

Максимов Владимир Владимирович

РУССКИЙ ВОЕННЫЙ НАРРАТИВ: МЕЖДУ ФАКТОГРАФИЕЙ И СИМВОЛОГИЕЙ

В статье предлагается решение теоретико-литературной проблемы, связанной с приоритетами, возможностями и границами отечественной военной эпико-прозаической традиции. На основании четырех критериев (пространства, времени, действия и субъекта) предлагается гипотеза о двух основных пределах данной традиции - повествованиях о гражданских и мировых войнах и об ориентации русской прозы на первый из отмеченных типов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/29.htm

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 105-107. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

17. **Кройчик Л. Е.** Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. С. 125-168.
18. **Лазутина Г.** Параметры журналистского текста // Журналист. 1997. № 8. С. 62-64.
19. **Миронова А. А.** Новые жанровые признаки рекламных текстов XIX – начала XX вв. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4. С. 23-27.
20. **Рецензия** // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1971. Т. 6. Присказка – Советская Россия. 1136 с.
21. **Сердобинцева Е. Н.** Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 104 с.
22. **Статья** [Электронный ресурс] // Русова Н. Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. URL: <http://literaturologiya.academic.ru/698/статья> (дата обращения: 14.02.2014).
23. **Тертышный А. А.** Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2006. 320 с.
24. **Тимошенко Т. Е.** Риторика: практикум. М.: Флинта; Наука, 2009. 96 с.
25. **О рекламе:** Федеральный закон принят ГД ФС РФ 22.02.2006 № 38-ФЗ (действующая редакция от 30.01.2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/advert> (дата обращения: 11.02.2014).
26. **Цвик В. Л.** Реклама как вид журналистики: учеб. пособие. М., Институт современного искусства, 2001. 135 с.
27. **Щепилова Г. Г.** Реклама в СМИ: принципы классификации // Медиаскоп. 2010. Вып. 4. С. 21-21.
28. **Экономика и право:** словарь-справочник [Электронный ресурс] / сост. Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/13436/РЕКОМЕНДАЦИЯ (дата обращения: 03.03.2014).
29. **Cosmopolitan** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cosmo.ru/magazine/archive/> (дата обращения 10.10.2013).
30. **National Geographic** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nat-geo.ru/archive/2013/type/1/> (дата обращения: 05.11.2013).
31. **National Geographic Traveler** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nat-geo.ru/archive/type/2/> (дата обращения: 05.11.2013).

SPECIFICS OF ANALYTICAL GENRES OF ADVERTISING JOURNALISM

Lobodenko Lidiya Kamilovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
National Research South Ural State University
lobodenko74@mail.ru

The article investigates the originality of analytical genres of advertising journalism. On the basis of comparative analysis of classifications of various types of advertising media-texts the author distinguishes as the basic ones the following analytical genres: advertising article, survey, review, advertising comment, recommendation (advise). The researcher also analyzes the goals, specifics of structural organization and characteristics of analytical genres of advertising journalism represented in the Internet-versions of periodicals.

Key words and phrases: journalism; advertising journalism; media-text; genre; analytical genres; Internet-media.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье предлагается решение теоретико-литературной проблемы, связанной с приоритетами, возможностями и границами отечественной военной эпико-прозаической традиции. На основании четырех критериев (пространства, времени, действия и субъекта) предлагается гипотеза о двух основных пределах данной традиции – повествованиях о гражданских и мировых войнах и об ориентации русской прозы на первый из отмеченных типов.

Ключевые слова и фразы: эпическая проза о войне; пространство; время; действие; субъект; картина мира; нарративная структура.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
v_v_maksimov@rambler.ru

РУССКИЙ ВОЕННЫЙ НАРРАТИВ: МЕЖДУ ФАКТОГРАФИЕЙ И СИМВОЛОГИЕЙ[©]

Одной из актуальных проблем литературоведческого осмысления военно-эпической традиции, начатой в контексте русской словесности былинами, продолженной воинской повестью и разошедшейся по трем нововременным путям малой (рассказ и новелла), средней (повесть) и большой (эпопея и роман) прозаической эпике, является проблема соотношения двух абсолютно разных действительностей – исторической фактографии и художественной символии.

Эту проблему можно переформулировать в различных направлениях, зависящих от разных исследовательских подходов и позиций. Например, в таком варианте: какие типы отечественной военной истории и

историографии привлекали большее внимание русских писателей? Или: как в пространстве русской истории и культуры соотносились историческая истина о войне, выраженная в понятиях, и художественная правда о ней же, воплощенная в образах? Или: насколько полнота, глубина и широта выведения военной темы в дискурсивный контекст гарантирует момент исключения войн? И даже в более узком и совсем конкретном варианте: какое место в процессе осмысления и выражения военного опыта имеет художественная литература на фоне других дискурсивных практик? Как мы видим из перечня этих, далеко не риторических, а стратегических вопросов, речь идет о фундаментальной проблеме, которая требует системно-типологического освещения и постоянной заботы со стороны всех, для кого хрупкий мир дороже разрушительной войны. Можно ли и насколько, если и не полностью ответить на эти вопросы, то хотя бы найти надежный путь приближения к их сущностному видению и посильному решению, или в данном случае, несмотря на все усилия и опыты, войны останутся одним из самых каверзных предметов для писателей и исследователей? Достаточно много понимая по поводу войны, мы продолжаем воевать, может быть, в таком случае, образ обладает особой разрешающей силой, как и Слово, испокон века считавшееся в контексте русской культуры не столько мощной силой, сколько силой доброй, способной удержать мир на грани новых искушений и испытаний?

Таким образом, цель предлагаемой публикации определяется стремлением представить типологию войн, наиболее оптимальную для дискурсивной деятельности, в целом, и художественной литературы, в частности. Несмотря на обширную исследовательскую традицию, посвященную литературоведческому осмыслению военной эпике, такая цель ставится впервые и кажется абсолютно не выполнимой, учитывая многообразие реальных военных прецедентов, сопровождавших отечественную историю. Действительно, разве можно типологически упорядочить то, что по своей сути является проявлением если и не тотального хаоса, то уж точно идеологического разнообразия (конфессиональной или этнической обусловленности), политических амбиций, социальной агрессии, раскола в элитарных группах, а иногда и персональных психозов, доведенных до паранойи и шизофрении отдельных лидеров и вождей, – с чем мы всегда и привыкли ассоциировать войны [1]? Как и на основании чего можно упорядочить этот хаос войны для того, чтобы он больше никогда не взорвал устои миропорядка и жизнеуклада? Может быть, более правы те, кто считал и продолжает считать, что война – трагический, но неискоренимый или даже обязательный момент мира, без которого последнее остается неполноценным существованием [2]? На наш взгляд, вопрос о возможности системно-типологического видения военной фактографии в горизонте символогии (эстетики словесного творчества) является обязательной задачей для современного теоретика литературы и более того вполне достигаемым результатом, который позволяет во многом иначе увидеть и соседнюю с военной словесностью область «литературы о мире». В качестве типологических критериев мы выбрали четыре основных фактора и позиции, связав их в пары и распределив по двум уровням (предметному и рефлексивному), соответственно: пространство и время, субъект и действие. Почему именно эти категории и понятия эстетического дискурса обладают максимальным, типифицирующим, то есть конститутивным, координативным и конструктивным статусом, а не другие, в такой же степени распространенные в литературоведческой практике термины и понятия? Например, жанр или стиль, сюжет или композиция, конфликт или коллизия, герой или персонажи и т.п.? Мы исходим из того, что такие категории, как пространство и время являются универсальными для мировой культуры и общедискурсивными в рамках процессов творческой деятельности. Это означает, что, как бы не тематизировались, проблематизировались и концептуализировались представления о времени и пространстве в контексте различных культурных традиций, они обязательны, так как на их основе создается в областях различных дискурсивных практик видение основных параметров картины мира и связанная с ними позиция автора, работающего или по канону, или по индивидуальному предпочтению. «Хронотоп» осмысливается методологами культуры и теоретиками литературы как обязательный момент формирования образа первичного автора, а также исходного бытия речевого высказывания и литературного произведения. Две остальные координаты (субъект и деятельность) уже не обладают общекультурной тотальностью (Запад и Восток), но необходимы для успешного разграничения дискурсивных практик (Наука – Искусство – Религия и т.п.). Действительно, двигаясь по градиционному спектру дискурсивных практик, следует отметить, что смысловое содержание деятельности изнутри каждого из них, во-первых, не только отличается отчетливой определенностью, но и постоянно трансформируется во времени (так, принадлежащие к одному религиозно-дискурсивному полю мистические и аскетические практики уточняют представление о деятельности абсолютно по-разному, хотя вполне возможными могут оказаться и условные субъектные позиции аскета-мистика или мистика-аскета; в то же время ученый, стремящийся к популяризации своих идей, обязательно должен отклоняться от наиболее чистых акцентов (фундаментальное открытие, практическое изобретение, поисковое решение, экспериментальный опыт) в область кажущейся избыточности индивидуальной конкретизации самого образа исследователя и тех, кто был рядом с ним).

Вернемся к вопросу о типологии военно-исторического опыта, который, по нашему мнению, отливается в две основных формы на основании представленных критериев. Напомним еще и о том, что методологический дух любой типологической установки исключает момент оценочности, а по своей сути отличается предельной нацеленностью на аналитический системно-несущий смысл. Мы полагаем, что, прежде всего, следует выделять системно-типологический, исторический и историографический опыт так называемых «гражданских войн» (княжеские междоусобицы, крестьянские восстания, дворцовые перевороты и т. п.). В данном случае сама военная ситуация и возможный эпический конфликт видятся как бескомпромиссная идейная борьба и прямое физическое столкновение, локализованные в ценностно-смысловом пространстве вражды между *своими*. Нарративный потенциал такой формы максимально смещается к нижней границе культурного опыта, это война-вражда, обремененная моментами тупикового повторения одних и тех же ситуаций в русской истории. Алгоритм такой мифонарации начинается с видения раскола в среде субъектов

своего мира, который переводит их в состояние войны, доведенной до последней степени жестокости и сосредоточенной на узком пространстве одной страны, при этом ставкой здесь является сопоставление различных мифопредставлений о родном мире, что и является целевой рамкой временного опять же приостановления вражды, конкуренции и войны-бойни. Заметим, что именно этот опыт военной фактографии получил в контексте отечественной словесности самое большое распространение, при этом не только в истоке традиции военных повествований, но и на отрезках других историко-литературных эпох, включая парадигмальный для данной разновидности повествований о войне опыт Пушкина, представленный в романе «Капитанская дочка». Особенно широко этот вариант оказался реализованным на материале повествований о Гражданской войне в 1910-1930-е гг., а позже в романе-эпопее А. И. Солженицына «Красное колесо».

В качестве второй типологической формы мы выделяем опыт **мировых войн**, и здесь поэтика пошла иным путем, который не совпадал с реальной историографией, так сама идея мировой войны оказалась очень близкой романтической парадигме и такому ключевому символическому образу, как Наполеон, хотя реальная фактография мировых войн началась только с 1914 года, но никак не с первой четверти XIX столетия. В отличие от ситуации гражданских военных столкновений, типологически-формирующая система представлений о мировых войнах, во-первых, отменяла пространственную локализацию происходящего, так как они выходили за рамки отдельных территорий и ареалов и охватывали все мировое пространство, оставляя в качестве своеобразного локального НЗ страны нейтралитета, как площадки транзитных перемирий, чтобы определить идеологические, но не событийные статусы воюющих. К сожалению, история мировых войн человечества еще не написана и даже не созданы условия для ее написания на уровне фактографии, в связи с чем, в кругозоре современной науки продолжает господствовать искаженное представление о том, что мировых войн было две. Мы полагаем, что их было гораздо больше, более того, проект «новой мировой войны» оказывает самое серьезное влияние на нынешний миропорядок, потому что, по своей сути, данный тип военной реальности ориентируется на абсолютно новый отсчет времени, утопический по своей природе и человеческим возможностям. Если в рамках фактографии гражданской войны враждующие друг с другом *свои* локализованы в *своем* узком пространственном мире, то в горизонте мировых войн осваивается абсолютно иная ситуация, в рамках которой все воюют со всеми и не на основе мифической памяти, а в среде различным способом спроектированных утопий по поводу переименования начал природы, культуры и цивилизации. Здесь победить может не тот, кто лучше помнит, или сильнее воюет, а только тот, чей проект обладает большей интенсивностью и масштабом ощущения сделать будущее сегодняшним днем жизни и деятельности. Если в ходе гражданской войны на узком пространстве должны остаться лучшие *свои* (по формуле пространство – субъекты), то в процессе мирового столкновения определяется иное соотношение между временем и действием, при этом вопрос о том, где эта новая связь, обеспечивающая более сильное видение миропорядка и жизнеуклада будущего, как бы освобождается от пространственных и субъектных моментов.

Между двумя отмеченными типологическими пределами военного опыта (войны гражданские и мировые), безусловно, находится широкая область разнообразных комбинаторных версий видения как исторической фактографии, так и эстетической символики. Мы полагаем, что тематические версии военной действительности, сводящие ее к конфессиональным, межэтническим и региональным противостояниям и стычкам, в большей степени относятся к области вторичной кодификации и условиям конкретного внутри-эпохального производства культурных смыслов и значений, которые меньше всего определяют жанровые онтологические модели и нарративные технические структуры военных литературных произведений. Скажем, такие абсолютно различные в ценностном плане виды войн, как «завоевательные» и «освободительные» представляются парадоксально близкими и, что еще более удивительно, нейтрализующими военную проблему в силу того, что здесь главной становится тема мира без войны (еще одна парадигмальная для русской словесности фигура – Л. Толстой и его роман-эпопея «Война и мир»).

Подводя итоги, обозначим нашу гипотезу: русская военная эпико-прозаическая традиция в целом ориентирована на фактографию гражданских войн и направлена на обнаружение фундаментальной вражды между *своими*, что позволяет авторам вернуться к причинам внутринационального раскола в ситуациях мира.

Список литературы

1. **Пятигорский А. М.** Что такое политическая философия. М.: Европа, 2007. 152 с.
2. **Смирнов И. П.** Неизвестный солдат // Человек человеку – философ. СПб.: Алетейя, 1999. С. 233-257.

RUSSIAN WAR NARRATIVE: BETWEEN FACTUAL ACCOUNT AND SYMBOLOGY

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The article suggests a solution of the theoretical-literary problem connected with the priorities, possibilities and boundaries of the domestic war epic-prosaic tradition. On the basis of four criteria (space, time, action and subject) the author introduces a hypothesis about the two basic frameworks of this tradition – narrations about civil and world wars and about the commitment of the Russian prose to the former of the mentioned types.

Key words and phrases: epic war prose; space; time; action; subject; world picture; narrative structure.